

Ломброзо ¹⁾ объ итальянской литературѣ: наука, какъ источникъ поэтическаго вдохновенія; Артуръ Графъ и Рапизарди; Прага, Ровани; романъ Мантегацци; Трецца; Кардуччи и новое языческое возрожденіе; литература итальянскихъ нарѣчій и областей; Де-Амичисъ и Анунціо; Верга и Капуана; поэты и романисты; отсутствіе выдающихся художественныхъ произведеній; охлажденіе къ классицизму и вліяніе натурализма.

Французская литература.

Подъ словомъ „литература“ французъ подразумѣваетъ все, что каждый образованный человѣкъ можетъ и даже долженъ читать, если онъ стремится къ гармоническому развитію ума. О чемъ бы ни писалъ авторъ, о критикѣ или эстетикѣ, по исторіи или археологіи, если онъ хорошій стилистъ, его сочиненіе читается не только специалистами, но и всѣмъ образованнымъ классомъ, ибо оно въ такомъ случаѣ попадаетъ въ область литературы. Какъ извѣстно, многіе изъ крупныхъ ученыхъ Франціи въ тоже время превосходные писатели. Кто въ состояніи сдѣлать доступнымъ большой публикѣ результаты науки, тотъ и есть литераторъ, и во Франціи вообще не существуетъ почти той перегородки, которая въ другихъ странахъ отдѣляетъ ученаго отъ писателя. Французская проза, единственная въ своемъ родѣ, съ ея ясностью и неумолимой логикой, отъ каждаго, кто обращается къ публикѣ, требуетъ такого штудированія, какого не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. А если къ удачной передачѣ мыслей присоединяется еще глубокое знаніе, то являются такіе люди, какъ Ренанъ и Тэнъ, Буассье и Фюстель де-Куланжъ, Клодъ Бернаръ и Пастеръ, люди, въ лицѣ которыхъ ученый идетъ рука объ руку съ художникомъ. Можно даже утверждать, что художникъ безъ серьезныхъ познаній въ силахъ добиться лишь весьма эфемернаго успѣха, и что его права не безсмертіе — конечно, рѣчь идетъ не о французской академіи — тѣмъ больше и прочнѣе, чѣмъ солиднѣе его образованіе.

Славу Франціи всегда составляла ея проза и теперь, когда угасли три свѣтила французской лирики — Гюго, Ламартинъ и Мюссе, придававшіе особую литературную фізіономію первой половинѣ нашего вѣка, когда смолкъ „Парнасъ“, теперь уже не читаютъ стиховъ. Это не значитъ, что французская поэзія вымерла. Въ кружкахъ молодежи она все еще процвѣтаетъ. И образцовые прозаики изъ новѣйшихъ

¹⁾ Чезаре Ломброзо — знаменитый итальянскій ученый психіатръ.

начинали стихами. Вспомнимъ только о Додэ, Бурже, Жюль Леметрѣ, Анатолѣ Франсѣ. Но они скоро покинули риетованную поэзію. Леконтъ де-Лиль завершилъ свое дѣло. Сюлли-Прюдонъ и Франсуа Коппе рѣдко подають свои голоса. Молодые поэты раздѣляются по двумъ направленіямъ, исключаящимъ другъ друга. Одни слѣдуютъ новохристіанскому теченію, выдвинутому Мельхіоромъ де-Вогюэ и превозносимому нѣсколькими диллетантами поэзіи. Сюда относятся Бушоръ и Габріель Викэръ, даровитѣйшіе въ этомъ лагерѣ; они обращаются къ „новому Евангелію“, къ легендамъ о святыхъ и изображаютъ въ драматической формѣ различныя чудеса. Другое направленіе примыкаетъ къ изученію мифологіи, къ современнымъ успѣхамъ народной поэзіи; оно эксплоатируетъ для поэзіи разныя мѣстныя сказанія, что можно провѣрить по произведеніямъ Экара, Ле-Гофика, Жинеста, Мадлэнь, Ле-Вавасера. Отъ этого направленія ожидается обновленіе французской поэзіи. У Леконта де-Лиля и Сюлли-Прюдона она слишкомъ аристократична и экзотична, слишкомъ философична, чтобъ дѣйствовать на массу. Главной помянутой новой школы является Викэръ, котораго „Emaux bressans“ встрѣтили большое одобреніе въ критикѣ.

Надо ли говорить о поэтахъ-юнцахъ, пишущихъ въ „Ermitage“, „La Plume“, „Mercure de France“, „Jeune Revue“ и тому подобныхъ маленькихъ ежемѣсячныхъ тетрадкахъ? Цѣль ихъ — коренная реформа поэтическаго языка и его содержанія. Вдохновляясь пессимизмомъ, буддизмомъ и другими словами иностраннаго происхожденія съ окончаніемъ „измъ“, эти символисты, какъ они себя называютъ сами, декаденты, какъ ихъ называютъ противники, выскиваютъ въ сочиненіяхъ XV и XVI вѣковъ старинныя, давно ставшія непонятными выраженія, производятъ надъ языкомъ всяческія насилія, гордятся тѣмъ, что ихъ не понимаетъ „буржуа“ и воскуряютъ еиміамъ другъ другу. Можетъ быть, когда нибудь между ними найдется такой геній, который придастъ значеніе этому направленію и которому удастся звучностью словъ возбуждать опредѣленныя ассоціаціи идей, каждому понятныхъ. Но доселѣ, несмотря на славу Малларме, они вызываютъ только насмѣшки надъ собой; особенно много смѣются надъ тѣми изъ нихъ, которые, сами будучи бельгійскаго, греческаго или румынскаго происхожденія, берутся реформировать чуждый имъ языкъ.

Поэзія на сценѣ умерла. Ни „Par le Glaive“ Ришпена,

ни другія менѣе удачныя попытки не могутъ пробудить ее, не смотря на увѣщанія и іереміады Сарсэ. Теперь какъ разъ торжествуютъ теоріи Дидро. Столько разъ осмѣивавшійся и доселѣ еще мало цѣнимый во Франціи, этотъ теоретикъ, съ своими мыслями о буржуазной драмѣ, попалъ въ настоящую точку. Всюду царить проза и даже поѣтическая душа зачастую выражаетъ свои изліянія въ „*Poèmes en prose*“.

Корни драматическаго искусства отчасти померли, частью же совершили все, чего суждено было имъ достигнуть. Никакое новое произведеніе Александра Дюма уже не измѣнитъ установившаго мнѣнія объ этомъ проповѣдникѣ на сценѣ. Ожье и Фелье умерли. Какой-либо новой метаморфозы отъ Сарду ожидать трудно. Классическая драма и ея представители, какъ Борнье, стремились только попасть въ академію, чтобы тамъ окончить свои дни. Идеаломъ для театра оказываются: водевиль съ Мельякомъ, Биссономъ, Лаведаномъ и Леметромъ во главѣ; пьесы „*Qui pro quo*“, вырождающіяся зачастую въ заурядные фарсы, какъ у Гандильо; бульварная мелодрама и „божественная“ оперетта. Эти послѣднія не стоятъ того, чтобы на нихъ тратить столько типографскихъ чернилъ, сколько посвящаютъ имъ газеты парижскія и заграничныя. Это—заурядное развлеченіе, привлекающее массу послѣ обѣда въ театръ, чтобы дать ей возможность часа два или три посмѣяться или позѣвать.

„*Théâtre Libre*“ и его мелкія филиальныя отдѣленія, старающіяся дѣйствовать противъ условностей, открыли нѣсколько новыхъ силъ — Ансе, Бриё, Жанне, Пьера Вольфа, Бюреля, у которыхъ наблюдательность, хотя и ограничивающаяся большею частью гетерами, далеко превосходитъ заурядныя сценическія фабрикаціи.

Вообще по части драматическаго искусства во Франціи литературное поколѣніе второй имперіи все еще не нашло себѣ достойныхъ продолжателей.

Гораздо виднѣе и вліятельнѣе область романа. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ изъ реализма Флобера и братьевъ Гонкуръ развился натурализмъ Эмиля Зола. Со времени паденія второй имперіи это литературное явленіе безспорно оказало большое вліяніе на романъ. Адепты Зола пошли дальше своего учителя, другіе отреклись отъ него послѣ романа „*La Terre*“, но въ общемъ золаистамъ принадлежитъ та заслуга, что они признали главнымъ правиломъ

для романа точное наблюденіе изображаемаго предмета. Искусствомъ подобаесть заниматься не только ради его самого — *l'art pour l'art* — но оно должно дѣйствовать на массу, и посему должно быть правдивымъ. Въ силу этого правила писатели стали избѣгать фальшиваго идеализма и витанія въ сферѣ сверхъестественнаго, и самое искусство вмѣсто того, чтобы удаляться отъ реальной жизни, старается быть ея выраженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это направленіе, правильно понятое и неизуродованное, можетъ придать опредѣленную форму французской литературѣ, ибо французъ чутокъ болѣе къ практическому, реальному, нежели къ расплывчатому и мистическому, парящему въ превыспреннихъ сферахъ. Въ области новелль эта школа достигла высотъ искусства въ произведеніяхъ покойнаго Гюи де-Мопасана. Его стиль классическій и при этомъ какой даръ наблюдательности. Поль Маргеритъ, сынъ убитаго въ 1870 г. генерала, Марсель Прево — лучшіе представители этого рода повѣствованія. Бурже проявилъ зоркую наблюдательность по отношенію къ душевной жизни парижанокъ и къ психологическому вліянію иныхъ матеріалистическихъ доктринъ на послѣдователей ихъ. Пьеръ Лоти цвѣтисто изображаетъ бытъ моряковъ и матросовъ. Своими успѣхами Альфонсъ Додэ обязанъ, помимо блеска провансальскаго солнца и философской ироніи, точнымъ наблюденіямъ надъ явленіями парижской жизни — крупными и мелкими. Большинство этихъ писателей остается всецѣло художниками. Лишь нѣкоторые изъ нихъ и въ особенности Зола любятъ уснащать свои произведенія научными терминами и фразами. Конечно, искусство и наука могутъ оплодотворять другъ друга, но чистую науку никакъ нельзя дѣлать предметомъ искусства. Это было возможно только во времена греческихъ философовъ VI-го вѣка, когда поэзіи приходилось выражать все, такъ какъ не существовало никакой научной прозы. Но и у Лукреція это направленіе оказывается полумистическимъ и дѣланымъ.

Въ области французскаго романа производительность огромная. Успѣхъ здѣсь приходитъ гораздо скорѣе и легче, чѣмъ въ поэзіи, и каждый молодой писатель, обладающій хоть искрой таланта, вступаетъ въ ряды новеллистовъ или романистовъ. Но тутъ, однако, число избранныхъ не велико. Мистифицированіе и намѣренная затемненность здѣсь также, какъ и въ поэзіи, имѣетъ не мало послѣдователей. Морисъ Барресъ и его поклонники большею частью неудобопонятны.

Послѣ театра и романа видное мѣсто во французской литературѣ занимаетъ литературная критика. Она заявляетъ о себѣ не тяжеловѣсными эстетическими разсужденіями и не огромными монографіями, гдѣ поэты расчлениаются на протяжении трехъ-четырехъ томовъ. Французская критика гораздо проще, хотя и основательна, а иногда даже вполне научна. Традиція, народившаяся въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ г-жей де-Сталь и Вильмэномъ, достигла своего высшаго развитія въ трудахъ Тэна. И молодое поколѣніе критиковъ, несмотря на нѣкоторыя новыя точки зрѣнія, неотступно слѣдуетъ этимъ учителямъ и можно сказать, что Франція въ концѣ нашего вѣка имѣетъ цѣлую плеяду критиковъ, изъ которыхъ иные скоро, быть можетъ, попадутъ и въ „бессмертные“ французской академіи. Благодаря Тэну критика стала психологической или, вѣрнѣе, исторической. Въ введеніи въ своей исторіи англійской литературы этотъ великій мастеръ слова ясно указываетъ на историческое разъясненіе продуктовъ ума. Догматизмъ Низара имѣетъ немногихъ послѣдователей. Это большею частью сильно отсталые преподаватели реторики въ лицеяхъ или факультетахъ. Но и въ писаніяхъ одного изъ главныхъ представителей современной критики, Брюнетьера, все еще сказывается тотъ же догматизмъ. Эмиль Фаге приобрѣлъ извѣстность своими этюдами о крупныхъ писателяхъ трехъ послѣднихъ столѣтій. Его нападеніе на Вольтера кажется небезосновательнымъ. Этотъ кумиръ французской націи не обладалъ вовсе поэтическимъ гениемъ. Жюль Леметръ, подвизающійся также въ области театра и романа, далъ много интереснаго въ четырехъ томахъ его „Les Contemporains“ и съ успѣхомъ смѣнилъ Жюля Вейса въ „Journal des débats“ по отдѣлу театральной критики. Каждое произведеніе, въ которомъ онъ чуетъ малѣйшій талантъ, онъ обсуждаетъ зачастую съ ироніей, хотя и безъ всякаго предпочтенія того или иного рода словесности, той или иной школы. Онъ артистически передаетъ свои впечатлѣнія отъ даннаго произведенія. Въ семи томахъ его „Impressions de Théâtre“ содержится не мало цѣнныхъ по остроумію бесѣдъ о театрѣ.

Несторъ театральной критики, Сарсэ, работающій въ этой области уже тридцать лѣтъ, — строгій судья въ вопросахъ театра. Онъ судитъ о всемъ по здравому смыслу и не милуетъ никакихъ новыхъ вѣяній на сценѣ. Въ фельетонахъ этого патрона „Comédie Française“, печатаемыхъ въ „Temps“,

видны большая опытность, много знанія и очень пріятный плавный стиль.

Въ „Temps“ подвизался недавно еще другой выдающійся критикъ — Анатоль Франсъ. Литературныя произведенія служатъ ему только предлогомъ для обнаруженія своей превосходной и занимательной учености и библіофильства. Франсъ старается быть справедливымъ ко всякой манерѣ и школѣ, а когда Брюнетьеръ въ „Revue des deux mondes“ пробуетъ задѣвать его, Франсъ отвѣчаетъ сердитому Аристарху любезной улыбкой. При этомъ нельзя не упомянуть, что Франсъ одинъ изъ лучшихъ повѣствователей нашего времени. Его христіанскія, средневѣковыя легенды, его повѣсти изъ временъ первыхъ вѣковъ нашего лѣтосчисленія, какъ „Thaïs“, его описаніе обстановки ученыхъ (въ „Sylvestre Bonnard“) — въ своемъ родѣ шедевры. Развитие мѣтовъ и легендъ — „Le livre de mon ami“ — и сравнительная миѣологія находятъ въ немъ своего остроумнаго истолкователя.

Ни одинъ изъ этихъ писателей не составилъ обширнаго труда о какомъ-либо писателѣ. Статьи ихъ, помѣщенные въ журналахъ и газетахъ, просто собираются въ отдѣльные томы. Это ведетъ къ тому, что до сихъ поръ во Франціи нѣтъ крупныхъ монографій о классикахъ ея, которыя были бы написаны выдающимися писателями. Издаваемая фирмой Гашеттъ коллекція подъ названіемъ „Les Grands Ecrivains français“ состоитъ изъ маленькихъ томиковъ in-octavo, которые рѣдко имѣютъ болѣе 200 страницъ и въ которыхъ можетъ быть дано лишь самое необходимое. Однако, нѣкоторые томики — превосходные образцы характеристикъ. Таковы — о Монтескье и г-жѣ де-Сталь Альберта Сореля; о г-жѣ де-Севинье и Сень-Симонѣ Буассье; о Жоржъ-Зандѣ — Каро, о Бернадэнѣ де-Сень-Пьеррѣ Арведѣ Барина (псевдонимъ очень остроумной дамы, пишущей классическимъ стилемъ). Большія монографіи во Франціи представляются въ Сорбонну только въ видѣ диссертаций на докторство. Но это большею частью первые опыты молодыхъ писателей.

Колоссальная литературная производительность за послѣднее двадцатилѣтіе проявилась въ области историческихъ знаній. Теперь уже не пишутъ больше такой многотомной исторіи, какъ это дѣлали Минье, Тьеръ, Тьерри, Мишле, Анри Мартэнъ и Дюрюи. Архивы стали гораздо доступнѣе, чѣмъ прежде. Съ развитіемъ исторической критики многое обследовано обстоятельнѣе, провѣрено точнѣе, но еще болѣе на-

писано привлекательно. Особенно исторія революціи разработана заново и именно тремя изслѣдователями: Тэнъ, на основаніи огромнаго матеріала, охарактеризовалъ исторію новѣйшей Франціи; Сорель въ трехтомномъ трудѣ „L'Europe et la Révolution“, излагающемъ дипломатическіе переговоры первыхъ лѣтъ революціи, съ философско-дипломатическимъ взглядомъ показалъ вліяніе революціоннаго переворота на европейскія государства; Шюке въ семи томахъ описалъ войны революціи отъ Вальми до осады Майнца по архивнымъ документамъ. Ученые знаютъ его уже давно, какъ редактора „Revue critique“ — органа, который много содѣйствовалъ поднятію уровня историко-философскихъ знаній во Франціи. Богатство историческаго матеріала доставили въ послѣднее время литература о Наполеонѣ I и мемуары свидѣтелей этой великой новѣйшей эпопеи. Въ особенности большой успѣхъ достался мемуарамъ генерала Марбо ¹⁾; авторъ ихъ оказался весьма опытнымъ писателемъ. Исторія іюльской монархіи разработана Тюрю Данженомъ въ семи томахъ. Историкъ Эрнестъ Лависсъ вмѣстѣ съ Габріелемъ Моно, редакторомъ „Revue historique“, не мало сдѣлалъ для улучшенія высшаго преподаванія исторіи, для студенческихъ обществъ, для пробужденія настоящей университетской жизни. Въ настоящее время подъ руководствомъ Лависса и Рамбо молодыя силы работаютъ надъ составленіемъ исторіи европейскихъ государствъ, издаваемой фирмой Коллэнъ.

Ф. Т.

Англійская литература.

Каждый, кому приходилось сколько-нибудь внимательно слѣдить за англійской литературой послѣднихъ двухъ или трехъ десятилѣтій, долженъ, положивъ руку на сердце, сказать, что главнымъ преобладающимъ направленіемъ въ ней является чисто утилитарное стремленіе къ нравственной проповѣди. Вмѣстѣ съ тѣмъ характерную ея черту составляетъ погоня скорѣе за количествомъ, чѣмъ за качествомъ производимаго матеріала. Англійскіе авторы, а въ особенности авторши вообще полагаютъ, что гораздо лучше написать сорокъ, шестьдесятъ или даже цѣлую сотню заурядныхъ романовъ ²⁾,

¹⁾ См. „Вѣстникъ Иностр. Лит.“ 1891 г., №№ 9, 10, 11 и 12.

²⁾ Миссъ Браддонъ разрѣшилась, вѣжета, на дняхъ уже сотымъ своимъ романомъ.